

*С благодарностью Евгению Муратову,
чьи дневники «Деревенская чернушка»
вдохновили меня на написание этого рассказа*

Ави проснулся, когда амплитуда колебания вагона достигла критического значения и ремень безопасности больно врезался в урчащий живот. С боковой полки кулём рухнул вахтовик Алёша, подсевший в Поканаевке, точнее, его уже «холодным» занесли в поезд товарищи по счастью, заботливо прикрыли одеялом и даже по всей форме представили публике вместе с фамильной флягой брусничного самогона. Ударившись головой о металлическую рамку нижней полки, Алёша молча, не открывая глаз, ловко забрался на свою верхнюю, где мгновенно упокоился. «Силён», — уважительно отметил Ави. Внизу за столиком разговаривали соседи-археологи:

— Время было до поезда, зашёл в парикмахерскую «Ариадна» на Маркса. Меня ещё никогда так косвенно не унижали цирюльники!

— Может, это и есть высшее искусство — унижить так, чтобы казалось, что тебе показалось?

Парни загоготали, девчонки захихикали. Послышался «чпок» — открывашка вонзилась в жестяную банку, откуда заструился аромат пряной свинины. Рассказчик продолжал в лицах:

— «А сзади укоротить, конечно же?» — «Не-не, только подровняйте». — «Так вы хвостик носите?» — «Нет». — «Но как? Ведь даже у Димы Бирана и то короче волосы!» — «Да? Ну если у Бирана... Кто я такой, чтоб длиннее Бирана без хвостика носить? Если даже у Димы короче, то пусть уж снимите чуть, чего уж тут. Правда, чего-то зарвался я». — «Знаете, наверно не получится, у вас волос жидкий и тонкий (ладно, с этим не спорю), а так как у вас голова треугольная...» — «????!!!» — «...то если я здесь ещё сниму, это будет видно!» Тут уж я начал скатываться в смущение. Базар про неарийскую голову всплывал ещё раза два, и я просто отдался на её волю, а в конце она так стеснительно говорит: «Как вы зачесьваете?» — «Так не объяснишь, давайте я сам». — «Да у вас нет разницы, что подстрижены, что нет, всё равно выглядит одинаково!»

Нижние полки, забытые студентами, рыдали от смеха. Ави тоже засмеялся, высунув голову в проём

над столиком, ломившемся от еды. Девушка с косичками ткнула локтем рассказчика:

— Женья, смотри, вот у кого волосы круче, чем у Бирана! Спускайся к нам, тушёнка стынет.

Спускаться было некуда, археологи и так сидели на головах друг у друга, поэтому банку, ложку и ломоть хлеба отправили наверх вместе с вопросами:

— Тебя как зовут?

— Давид. Ну, или Ави.

— Как в «Снетче»?

— Ага!

— А ты еврей по маме или по папе?

— По ситуации!

— Отлично, тогда будешь устанавливать полезные и бесполезные связи с местным населением!

— Бартерные или товарно-денежные?

— По ситуации!

Новый взрыв хохота. Перед банкой и ложкой возникла алюминиевая кружка с запахом брусники. Ави откинулся на жидкую подушку и осушил её залпом. «Привет от Алёши», — подумал он и, проваливаясь в очередной сон, пожалел, что слишком часто пропускал «тренировки» в последние пару лет.

Конечно, никаким евреем Давид не был, хотя его внешность и ловкость по части раскручивания клиентов на бюджет во всю глотку кричали об обратном. Именем он был обязан увлечению папы историей Грузии в период беременности мамы. И так же, как один из героев вышеупомянутого фильма, Ави считал, что быть евреем полезно для бизнеса. На работу — в крупную рекламную московскую контору — он всегда являлся в кипе, привезённой подружкой из Израиля, и ежедневно менял шёлковые с искрой жилетки. Даже лапсердак планировал заказать к следующему Пуриму.

Открыв глаза, Ави осознал, что полка под ним, напротив и вообще всё вокруг качается как-то иначе. Окно отсутствовало, «тыгдым-тыгдым» тоже. Но голоса, звуки и запахи внизу были всё те же. Свесив кудри в проём, Ави поинтересовался: — Мы что, плывём?

— Ага, ещё часа два идти.

— Странно, бабушка говорила, что от станции до посёлка идти пятнадцать минут, причём ногами.

— У бабушки, часом, фамилия не Электроник? Спи, разбудим разгружать «каэску».

— А сейчас мы где?

— Это река Ангара, она впадает в Енисей, а он — в Карское море Ледовитого океана, планета Земля, Солнечная система, Млечный Путь, ноль тринадцать в Тентуре, — подражая Юрию Сенкевичу, объявил насильно подстриженный под Билана Женя.

— Ага, в основном, — обиделся Ави и отвернулся к стенке.

Судя по звенящему от комаров воздуху и упирающимся в лопатки рёбрам ящика с оборудованием, «каэску» разгрузили при пассивном участии Давида. Вокруг суетилось не меньше сотни человек разного возраста: одни тащили на высокий яр палатки, лопаты и коробки, другие набирали в канистры воду из реки, дальний берег которой терялся в тумане. Пара девчонок мыла котлы, издав далеко доносилось цоканье топоров по дереву. Высокая светловолосая женщина, она же начальник экспедиции Алина Екимовна, распекала кого-то за уроненный нивелир. Перед лицом Давида возник Женя и помахал рукой. Серая мгла из тысяч комариных тушек на секунду рассеялась, а потом её края стали быстро сходиться, как Красное море за народом Моисея.

— Ты со второго курса?

— Не-а, выпускник.

— Мы же познакомились в вагоне, я думал, ты из младших.

— Я политех в позапрошлом окончил.

— Политех?! Как ты вообще в наш вагон попал?

— К бабушке ехал, крышу чинить, в эту, Усть-Кэ-а-о, не могу название запомнить — о, в Усть-Каспу!

— Это Усть-Кова. Она на севере, а Каспа — на юге. А мы с истфака. И к бабушке ты попадёшь теперь только в сентябре.

— У меня отпуска всего две недели!

— У всех две недели. Но наука в опасности! Время спасать науку!

Гигантская долина, поросшая пахучими травами выше человеческого роста, занимала целиком мыс на стрелке Ковы с Ангарой. В какой-то момент трава сменялась весёлым березнячком, за которым начиналась глухая тайга, куда запрещалось ходить под страхом лишения сигарет и гущёнки. На противоположных берегах рек картина была аналогичной. По ночам в небе горели звёзды с кулак, а луна двигалась строго по гребню горы Седло, маячившей над лесом. За три месяца все эти красоты Давиду порядком поднадоели. Ни одна «каэска» не пристала за лето к берегу, от походной еды уже подташнивало, как и от бесплодных попыток выкопать из земли что-то стоящее: видать, всё, что Усть-Кова хотела отдать археологам,

она отдала ещё в двадцатом веке. Единственным представителем местного населения, с которым Ави, как и планировалось, сразу установил все допустимые законом и здравым смыслом виды связей, был бакенщик Вальдемар, пожилой, общительный, всегда застенчивый мужик, живший в единственном доме на яру в компании bestолковой псины Сувалки. Слово «застенчивый» не должно вводить в заблуждение, потому как в контексте Вальдемара не являлось чертой характера, а, скорее, выдавало способ его передвижения. Ну, то есть он не стоял робко у края раскопа, опустив глаза долу, а двигался, по обыкновению держась за всё, что попадалось на пути. Если же стоял, то напоминал взъерошенную кобру, тянущуюся за флейтой. Мужиком он был добрым и нежадным — круто просоленную щуку, хариуса и прочую рыбу из его бездонной бочки археологам разрешалось поедать невозбранно.

В тот самый свой последний день в экспедиции Давид проснулся с ощущением уверенности в том, что должно случиться нечто, что положит конец Дню сурка. Ощущение было радостным и вместе с тем — тревожным. Опершись на лопату, он безразлично смотрел на Екимовну и нескольких практикантов, всё утро очищавших тонкими кисточками и резиновыми грушами гигантскую грудку обожжённых камней — земляца ковинская таки сжалилась над археологами, — когда солнце заслонила фигура Вальдемара, поддерживаемая мелкашкой.

— Алина Екимовна, у меня собака пропала. Можно, я кого-нибудь из ваших парней возьму, мы за Ковой поищем? Под мою ответственность.

— Возьми Давида, от него всё равно толку нет!

— Почему сразу нет? А кто вам целый час по полсантиметра совковой землю снимал с кострища?

— Тот, кто расколол сосуд, повредил ретушь и раскидал камни. Этот очаг ждал нас тысячи лет...

— Да ну на... Тут у меня баня раньше стояла!

После последней реплики подозрительно тревожного Вальдемара воцарилась гнетущая тишина. Взяв бакенщика под локоть, Ави быстро повёл его по травяному тоннелю в сторону лагеря — присутствовать при объяснениях научрука с сведёнными в заблуждение студентами ему совершенно не хотелось. Лучше поискать Сувалку, всё какое-то развлечение.

— Почему у собаки такое дурацкое имя? Потому что нос везде суёт? — поинтересовался Ави, когда, перейдя речку вброд, они шли по тайге.

Августовское солнце пробивалось сквозь увешанный мхом деревья — стоящие и поваленные, словно Билибин принёс в Приангарье свои иллюстрации к русским сказкам и расставил их на каждом углу.

— Нос суёт, ага, она ж собака. У меня с детства всех собак так зовут.

— Других имён в святцах не было?

— Не, это из-за литовцев. Их в сорок восьмом в Кову привезли, осенью, мать рассказывала. Деревня тогда маленькая была, восемь семей жило, а тут почти тыща ссыльных. Расселили их в заброшенных домах, кого-то даже в церковь пустили. Много их померло в зиму: жрать самим было нечего, а у них ни запасов, ни одежды, ни инструментов—вообще ничего. Наши помогали, да и сами они работающие были, хорошие люди, но непривычные к холоду, потерянные какие-то. Дед тогда взял к себе семью большую, сказали, что из Сувалкии, а когда они уехали в пятьдесят девятом, я как раз в школу пошёл, отец щенка подарил, ну я его и назвал, в память, что ли...

— А где теперь вся деревня? Церковь где? Кроме твоего дома, на мысу нет же ни черта.

— Так в девяностые все уехали. Сначала ещё подход был, картошку там, капусту сажали из Кодинска, травы всякие для аптеки, коней пасли, тут табун целый у меня носился, а потом как-то понемногу всё развалилось или пропало. Как и твой родственник.

— Какой ещё родственник? У меня родня не с Усть-Ковы, а с Усть-Каспы, я ж говорил!

— С литовцами он приехал, которые у деда жили. Они говорили, что это их пацан, и все, ага, поверили! Кудрявый такой, чёрный. Короче, ты, только в очках. Я когда тебя на берегу увидел, подумал, что всё, завязывать пора. У него и звёздочка такая же была на руке набита, как у тебя на шее висит. — Да я не еврей, это так, для бизнеса полезно... — Бабушке расскажешь.

При упоминании о бабушке Ави стало грустно. Сюрприз сделать хотел, хорошо хоть не предупредил, что приедет, нервные потрясения ей на старости лет ни к чему. Про работу он почему-то вообще не думал, будто и не было тех двух лет в столице и вешалок с жилетками «неделька». Будто всю свою четвертьвековую жизнь или какой-то её солидный кусок он прожил в ангарской тайге, дышал её вкусным воздухом, мылся в её ледяных речках, бил на себе слоноподобных комаров и слепней, охотился, рыбачил... Ему даже показало, что он знает в этом лесу каждую тропку, каждый брод на Джилинжиге и ручьях-притоках, каждую стёжку на болотах и каждый завал на пути. — Ты и правда их знаешь, — сказал за спиной Вальдемар.

Когда они успели поменяться местами? Думая о своём, Ави и не заметил, что от самой Ковы он вёл бакенщика по лесу. Вёл без метаний, ни разу не теряя направление, будто уже когда-то проходил здесь. «Вот сейчас будет обгорелая сосна с моей зарубкой, потом взлобок, а за ним болото внизу. Что я несу? С моей зарубкой?»

— Ты там дерево затесал ещё тогда, в пятьдесят восьмом,—словно подслушал его мысли бакенщик.

— Не смешно,—уныло заметил Ави, и ему действительно было не смешно.

Он и правда будто знал все метки маршрута, но никак не мог вспомнить, что ждёт в конце, мысль как будто закольцовывалась на самом пути, сворачивалась в клубок и отказывалась высываться на поверхность ниточку эврики. В подлеске раздался шорох, и на поляну выкатилась Сувалка, вся в репьях и сухих сосновых иголках. Лизнула руку хозяина, посмотрела на Давида, будто приглашая его за собой. Обгорелая сосна, мшистые камни на пригорке и небольшая, может, полкилометра в диаметре, круглая проплешина внизу. Всё как в прошлый раз—торчащие из болота белые кости животных, обгорелые деревья по краям и гнетущая тишина. Блин, опять этот прошлый раз!

— Чёртово кладбище,—удовлетворённо выдохнул Вальдемар.—Пришли. Спасибо, что показал дорогу, пятнадцать лет не мог на него выйти. Всё на месте. Тут и заночуем, а утром обратно.

— Приятные воспоминания? У тебя тут был первый поцелуй? — Ави чувствовал себя вымотанным и злым.

Темнело, в воздухе разливался запах грозы, хотя небо было чистым. Далеко на западе загорелась звезда, почему-то она казалась шестиконечной.

— Я был тут с тобой, то есть с ним, пятьдесят лет назад. Агроном дядя Валик с Кежмы приезжал к нам в деревню, рассказывал, как ставил здесь опыты с птицами, ещё коровы исчезали с заимки, и их всех в болоте нашли: снаружи нетронутые, а внутри—словно опалённые. И как в двадцатом году дед Поляков с Карамышево лося загнал сюда и тот заживо сварился. Ты разве не помнишь? Я тогда рисовал на газете это кладбище, а ты рядом сидел и всё записывал. А потом ты пошёл его искать, а я за тобой увязался. Ну, вспомни!

— Вовчик, ты накидался, что ли, по дороге? Я тебе в сыновья гожусь. Может, тут просто торф горел, он долго может гореть, а звери и люди газами травмились.

— Не пил я. Сегодня день тот же самый, когда мы с тобой сюда... В болото это кусок метеорита Тунгусского упал, дед мой видел и все в Кове. Камень землю прожёт, и она горела почти сто лет. Кто подходил близко—помирал, а кто рядом жил, лесорубы там, золотари,—болели многие, а кое-кто и чокнулся. Даже в газетах про это писали. А потом, видать, нажралось оно, перестало убивать.

— Это ты чокнулся. Кто оно?

— Чёртово кладбище. Я ведь после приходил сюда много раз, каждый год—сегодня. Водил геологов, физиков, туристов всяких и этих, которые по тарелочкам, по йетям, теллурические токи которые ищут. Они всё думали: зачем это кладбище, что оно такое,—приборы какие-то привозили.

В девяносто втором последний раз был тут — вода стала холодная, леском поросла, травой затянулась, жар из воздуха исчез. Через год пошёл и не смог найти тропу, неделю шарохаля по тайге и вышел обратно к Кове. В этом году век как метеорит упал, вот и ты вернулся. Я и подумал: вместе-то точно найдём.

— «Иван Васильевич, когда вы говорите, создаётся впечатление, что вы бредите!» — процитировал Ави. — Может, болото соскучилось по тебе и выдало порцию газов? И что значит «после»? После чего ты приходил?

— После того, как ты вошёл в болото и пропал сегодня, то есть тогда, в пятьдесят восьмом.

Ави с ужасом посмотрел на бакенщика поверх крошечного костра. Оказаться ночью в тайге, в десяти километрах от лагеря, в компании психа с винтовкой, слетевшего с катушек от одиночества и чтения старых газет, — да, не таким он видел свой отпуск.

— Вовка, ты несёшь чушь. Хочешь, я сейчас пойду на кладбище и вернусь живым и невредимым? А в лагере покажу тебе паспорт. В Кодинск вместе поедем, закодируем тебя...

— Хочу. Иди. Твоя звезда как раз стоит над болотом.

Давид оглянулся. Шестиконечная звезда отразилась в лужице чёрной воды, оставшейся в самом центре Чёртова кладбища. Он шёл к ней по упругой, заросшей поверхности болота, туда, где запах озона становился всё сильнее. Потом наклонился и дотронулся до отражения звезды левой рукой. И при свете луны увидел на ней чуть выше запястья могоендовид.

«Твою ж мать, опять поезд», — Давид открыл глаза и не сразу смог понять, почему он путешествует стоя и почему стоячие пассажиры набиты в вагон столь плотно, что нельзя даже пошевелить рукой.

Поезд медленно катился по рельсам, знакомый «тыгдым» слышался всё реже.

— Что ты видел? — спросил у его затылка чей-то голос на чужом языке, но Ави почему-то понял его.

— Лес, чёрную воду, звезду, — ответил он на том же неизвестном языке.

— Не во сне, что ты видишь сейчас? Где мы?

Лицо Ави было притиснуто к деревянной стене вагона, в щель, к которой прижимался его глаз, било яркое солнце. Очки куда-то делись, и Ави, сильно сощурившись, стал разглядывать местность. Мимо плыли аккуратно подстриженные лужайки, купы деревьев, чистенькие белые домики с красными крышами:

— Там железные ворота. На них что-то написано, но не могу разглядеть. Люди с собаками. Вижу название станции! Это «Буковый лес». Надеюсь, он будет приятнее предыдущего...

Закат на берегу Ангары встречали бакенщик Вальдемар и археолог Женя. Последний оброс за лето, но по-прежнему отказывался носить хвостик.

— Он точно не захотел ни с кем попрощаться? Всё-таки мы его подогрели, обобрали. Три месяца почти вместе работали.

— Говорю же, я поехал батареею на бакене менять, а правым берегом «кошель» шёл. Ави в лодку ко мне и прыгнул с хурдой своей: мол, хватит спасать науку, бизнес, все дела. На борт они его и приняли. В Коде, небось, пиво пьёт, автобус ждёт до станции.

Женя грустно вздохнул, почесал Сувалку между ушей и выпустил дым в сторону красного солнца, нехотя уползавшего за дальние сопки. Вальдемар направился к лодке, собака припустила за ним. На камне осталась рабочая куртка. В кармане с полиэтиленовым «окошечком» лежало удостоверение. — И фамилия у него в тему — Харонов, — усмехнулся Женя, втоптал окурочек в гальку и пошёл в лагерь.